

МАША
ТРАУБ

Читайте книги Маши Трауб

ЛЮБОВНАЯ АРИТМИЯ
О ЧЕМ ГОВОРЯТ МЛАДЕНЦЫ
Я НИКОМУ НИЧЕГО НЕ ДОЛЖНА
ВСЯ LA VIE
СЕМЕЙНАЯ КУХНЯ
ЛАСТОЧ...КА
ЗАМОЧНАЯ СКВАЖИНА
НЕ ВСЯ LA VIE
ПЬЯНАЯ СТЕРЛЯДЬ
ТЕТЯ АСЯ, ДЯДЯ ВАХО И ОДНА СВАДЬБА
ДНЕВНИК МАМЫ ПЕРВОКЛАССНИКА
ПАДШАЯ ЖЕНЩИНА
ДОМИК НА ЮГЕ
ОСТОРОЖНО – ДЕТИ! ИНСТРУКЦИЯ ПО ПРИМЕНЕНИЮ
СОБИРАЙСЯ, МЫ УЕЗЖАЕМ
СОНЯ И АЛЕКСАНДРА
ПЛЮС ОДИН СТУЛ
ЧУЖОЙ
СЧАСТЛИВАЯ СЕМЬЯ
ИСТОРИИ МОЕЙ МАМЫ
НАША ДЕВОЧКА
ПЛОХАЯ МАТЬ
ШУШАНА, ЖУЖУНА И ДРУГИЕ РОДСТВЕННИКИ
ВТОРАЯ ЖИЗНЬ
ПРОДАЕТСЯ ДОМ С ДЕДУШКОЙ
УВАЖАЕМЫЕ ОТДЫХАЮЩИЕ!
НА ГРАНИ РАЗВОДА
ЛИШНИЕ ДЕТИ
БЕДАБЕДА
ИЛИ Я СЕЙЧАС УМРУ ОТ СЧАСТЬЯ
ПОЛНОЕ OZOOMЛЕНИЕ
НЕ МАМКАЙ!
СУП, ВТОРОЕ И КОМПОТ
ПОСМОТРИ НА МЕНЯ
КОГДА МАМА – ЭТО ТЫ
НЕВОЗВРАТНЫЙ БИЛЕТ

МАША ТРАУБ

Дневник мамы
первоклассника

Москва
2022

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)1-44
Т65

Дизайн серии и оформление обложки:
Александр Кудрявцев,
студия графического дизайна «FOLD & SPINE»

Иллюстрация на обложке *Ирины Ветровой*

Трауб, Маша.

Т65 Дневник мамы первоклассника / Маша Трауб. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-160287-1

Вас все еще беспокоит счет в пределах десятка и каллиграфия в прописях?

Тогда отгадайте загадку: «Со звонким согласным мы в нем обитаем, с глухим — мы его читаем». Правильный ответ: «дом — том». Или еще: «Напишите названия рыб с мягким знаком на конце из четырех, пяти, шести и семи букв». Мамам — рыболовам и биологам, которые наверняка справятся с этим заданием, предлагаю дополнительное. «Даны два слова: «дело» и «безделье». Прочитайте пословицу». Интернетом пользоваться нельзя. И книгами тоже. Ответ: «Маленькое дело лучше большого безделья». Это проходят дети во втором классе. Говорят, что к третьему классу все родители чувствуют себя клиническими идиотами.

Маша Трауб

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

© Трауб М., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-160287-1

Первая четверть

28 августа.

Первое родительское собрание

Позвонили два дня назад.

— Алле?

— Это квартира Т.?.

— Да.

— Это родительница. Собрание в школе в четыре. Явка обязательна.

Пришла на десять минут раньше, но в классе уже сидели мамы и один папа.

Первую парту — напротив учительского стола — заняли две женщины, судя по всему, подруги. Обе лихорадочно писали в блокнотах. Было понятно, что именно они станут активистками еще не созданного родительского комитета. Следующую парту у окна заняла мама в очках. Строгая, костюмная, с туго натянутой спиной. Она выключила

мобильный телефон, выложила на парту тетрадку, ручку, подровняла, чтобы они располагались четко перпендикулярно, сложила руки лесенкой и стала смотреть на доску. На доске ничего интересного не было. И неинтересного тоже не было. Но женщина не отрывала взгляда от пустой доски.

Единственный мужчина сидел на задней парте. Я села в середине и чувствовала себя некомфортно. Я-то всегда сидела на галерке — с хулиганами и двоечниками. И даже не мечтала, что меня когда-нибудь пересадят хотя бы в середину. У нас эти места занимали «вставшие на путь исправления» обитатели задних парт. Я крутилась, никак не могла усесться, роняла ручку, телефон, на всякий случай улыбалась родительницам с первой парты, оглядывалась на мужчину. Но ради сына, Василия, решила терпеть. А вдруг решат, что он — сын двоечницы и хулиганки? Пока все собирались, наша первая учительница — Светлана Александровна — ковыляла по классу. Она сломала ногу перед самым началом учебного года. Самое обидное, что сломала на пороге родной школы, на лестнице. К гипсу была приделана квадратная дощечка — для опоры. Как у японских гейш на

Дневник мамы первоклассника

вьетнамках. Я сидела и думала — странно, что никто не изобрел удобную дощечку для гипса. А еще о том, что в жизни все повторяется. И первая учительница, и родительская паника, и даже гипс.

Только вчера муж рассказывал, что у его первой учительницы была сломана рука — она ходила с такой страшной треугольной распоркой. Ее боялись все ученики. А некоторые, мой муж, например, не верили, что эта перемотанная мумия с деревяшками под мышками, которая разворачивается всем телом, может быть учительницей. Эту несчастную женщину к тому же звали неудачно — Инна Яновна. Немыслимое для первоклашки сочетание букв. Муж говорил, что все звали ее Инянна, а иногда Янинна. И никто точно не помнил, как правильно, потому что учительница отзывалась на оба имени. Распорку не снимали долго, и через некоторое время, по воспоминаниям мужа, все дети дружно втягивали головы в плечи, стоило Инянне показаться на горизонте. Что неудивительно — все по очереди получили этой конструкцией по голове, пока не научились уворачиваться. Муж, кстати, до сих пор уверен в том, что есть люди, точнее, женщины, у которых глаза

на затылке. Их Инянна, не поворачиваясь, знала, кто болтает, кто списывает, кто в окно смотрит.

А моя первая учительница с красивым именем Роза шамкала из-за отсутствия зубов. Ей не успели вставить к 1 сентября новую челюсть. Мы ее тоже боялись, потому что не понимали, что она говорит. Вообще не понимали, чего она хочет.

— Шдраст, шежи, меня шовут Шожа Ивашовна, — говорила моя учительница. — Повштожите.

Мы сидели и молчали. Тогда Роза Ивановна написала на доске свое имя, но в те годы первоклассники в лучшем случае должны были знать буквы, а читать умели только гении. Новые зубы Роза Ивановна получила к концу первой четверти. Но протез ей, судя по всему, мешал, и с дикцией учительницы перемен не произошло. Как шамкала, так и шамкала, только немного по-другому. Главное, мы ее понимали.

Так вот, Васина первая учительница Светлана Александровна проковыляла к шкафу достать какие-то рулоны. Мешал шкаф.

— Папа, можно вас? Помогите отодвинуть, — попросила учительница единственного мужчину в классе.

Дневник мамы первоклассника

Вышедший папа тоже, видимо, осуществил несбыточную мечту, сев на заднюю парту. Ни на хулигана, ни на прогульщика, ни на двоечника он никак не тянул. Такой сублильный сутулый интеллигентный юноша — мечта физрука. Я представила, как этот папа, когда был мальчиком, болтался на перекладине и пытался сделать подъем с переворотом, а физрук его называл «глистой» или «сосиской», и все дружно ржали.

В общем, я пожалела, что не села к этому папе на заднюю парту для моральной поддержки. Представляете, каково это — на глазах двадцати баб пытаться сдвинуть шкаф? Женщины, поджав губы, смотрели, папа потел, шкаф не двигался.

— Ладно, — выкарабкалась из-за парты женщина в бейсболке со стразами и мощной грудью, тоже усыпанной стразами. — Вы тут про ремонт будете говорить и про деньги. Могу дать пять тыщ. — Родительница клацнула кошельком со стразами. — Муж у меня — сантехник, — продолжала она, — он вам тут и батареи, и раковины поменяет. Все, я пошла. Звоните.

Счастливая жена сантехника, которой тут же заулыбались активистки родительского коми-

Маша Трауб

тета, подошла к шкафу, легонько толкнула плечом — шкаф сдвинулся. Опозоренный папа под взглядами сорока женских глаз понуро вернулся на свою заднюю парту и затих.

— Спасибо, — сказала ему Светлана Александровна.

— Не за что, — честно ответил папа.

Наконец собрание решили начать. Светлана Александровна поздравила нас с нашими детьми-первоклассниками и выразила надежду, что мы станем одной большой семьей. На этом торжественная часть закончилась, и все стали задавать насущные вопросы: сколько тетрадей сдавать, во сколько приводить, во сколько забирать...

— А можно в джинсах ходить? — спросила я, когда разговор перешел на школьную форму.

Вообще-то нужно было заказать школьную форму. Но я про это забыла. Скорее, забыла сознательно, потому что представить своего сына в пиджаке с огромными накладными плечами не могла, как ни старалась. Опять же из опыта я знала, что форменные брюки продержатся максимум два дня. А джинсы меня еще никогда не подводили.

Дневник мамы первоклассника

— Да вы что? — возмутилась строгая родительница со второй парты. — Какие джинсы? Ясно же всем сказали — форма обязательна. Вот моя дочка, — обвела она взглядом родительниц, — только в белых блузках ходит. Даже на прогулку. Ей очень идет. А можно в парадной форме каждый день ходить? — спросила она учительницу.

— Можно. Но, поверьте моему опыту, вам это быстро надоест, — ответила Светлана Александровна.

— А почему здесь стены такие зеленые? — спросила тихая испуганная женщина с первой парты у стены.

— Замечательный вопрос! — воскликнула одна из активисток. — Я предлагаю перекрасить в персиковый. Кто за персик?

Все подняли руки.

— По сколько сдавать? — обреченно спросила испуганная женщина.

— Ну, давайте по пять тысяч... Считайте сами — ремонт, туалетная бумага, карандаши семьдесят штук, цветы в горшках...

— А если мы уже сделали ремонт, нам все равно сдавать? — уточнила женщина.

Маша Трауб

— Где? — удивилась активистка и посмотрела по сторонам.

— Понимаете, мой муж подошел к завхозу и спросил, где делать ремонт. У него, у мужа, бригада и машина. Вот в соседнем классе сделали. Мы же не знали, что в этом нужно. Сказали, что в том надо, — тихо ответила родительница.

— А инициатива всегда наказуема, — сказала активистка. — Товарищи родители, подумайте, кто еще чем может помочь?

Все дружно вжали головы в плечи и стали рассматривать собственные блокноты, ручки и телефоны.

— Так, — обвела взглядом класс активистка, — мы сейчас пустим по классу листочек, где каждый напишет, кто как будет помогать.

Я вспомнила свою знакомую Юлю, которая тоже была мамой первоклассника. В пущенном по классу листочке она написала: «Могу помочь материально. Только немного. Мне еще за квартиру платить».

— Нужны бейджики, — сказала Светлана Александровна, — с именами детей. Пока я не запомню. Фамилии писать не обязательно. И нашейте

Дневник мамы первоклассника

метки на одежду или подпишите — теряют. Да, купите своим детям обувь на липучках. Чтобы мы не мучились со шнурками. Ведь не умеют завязывать.

— А все подписывать? — спросила еще одна мама.

— Все, что только можно. Все равно потеряют. Даже портфели теряют, — сказала Светлана Александровна. — Обязательно подпишите мешки со сменкой. Сами покупаете одинаковые, а дети потом мучаются.

— А что должно быть в портфеле? — спросила меня шепотом мама, которая сидела справа.

— Я прослушала, — тихо ответила я.

— Спросите у соседки, — шепнула мама.

— А что должно быть в портфеле? — спросила я у родительницы слева.

— Четыре тетради, ручки, карандаши, — прошептала соседка.

— Пеналы должны быть мягкие, — говорила учительница, — чтобы не громыхали. Я понимаю, они красивые, но меня тоже поймите: когда двадцать пять человек трясут пеналами, хоть в окно выпрыгивай. И еще, поднимите руки,

у кого неполные семьи. Надо для социальной помощи.

Все переглянулись. Руку подняла только одна родительница. Как раньше все буравили взглядом сублильного папу, так сейчас все уставились на мать-одиночку. Женщина наверняка хотела залезть под парту или выйти из класса, крикнув: «Вы все идиоты» — и громко хлопнув дверью. Я, во всяком случае, именно так и делала на уроке математики, когда математичка стояла надо мной и говорила: «Ей что икс, что игрек, одинаково равно. Как же ты жить будешь? Что из тебя выйдет? Икс из тебя выйдет». Только в старших классах я узнала, что именно математичка — страстная и виртуозная матерщинница — подразумевала под иксом.

— Ну, вы можете меньше денег сдать, — нарушила молчание активистка.

— Я хорошо зарабатываю, — ответила мать-одиночка, и все опять посмотрели на нее уже с завистью. Молодая, красивая, хорошо зарабатывающая свободная женщина...

— А что будет дальше? — спросила еще одна родительница. — Когда каникулы? Будут ли экзамены? А оценки будут ставить?

Дневник мамы первоклассника

— Давайте по мере поступления, — тяжело выдохнула Светлана Александровна. — Мне бы до седьмого сентября дотянуть — гипс снимают. В этот день разрешаю не приходить в школу. А с двадцать третьего у меня реабилитация — грязи, массаж. Будет замена. Не волнуйтесь, учительница хорошая. План я ей напишу. Но все-таки контролируйте.

— Как именно контролировать? — спросила активистка и приготовилась записывать.

— Ну, спрашивайте у детей, все ли в порядке, — сказала учительница. Активистка, как мне показалось, даже расстроилась.

Когда учительнице моего мужа снимали растяжку, они тоже не учились. И когда моей учительнице вставляли зубы, мы гуляли. Нам все завидовали, а мы рвались в школу. Мужа оставляли с соседской бабушкой, которая заставляла его держать нитки на руках, пока она сматывала клубок. И нельзя было руки опускать, потому что бабуля хватала свою палку с резиновым набалдашником и больно била мужа по ляжке. Меня тоже оставляли с соседкой. Медсестрой, которая на дому прокалывала уши. Анастезией служило то,